

после «жестокое слово» больного царя пошли «бояре все», «поуstraшенные», «крест целовати». «И бояре пошли целовати, а у креста стоял» Воротынский «да дьяк Иван Михайлов крест держал». Не удивительно, что Висковатый слышал и запомнил перебранку князя И. И. Пронского-Турунтая⁸⁴ с Воротынским, в результате которой «князь Иван Пронской исторопяся крест целовал».

Когда бояре закончили целование, «государь велел написати запись целовальную, на чем приводити к целованию князя Володимера Андреевича». Однако вызванный к царю «последний удельный Рюрикава дома» не захотел «на записи крест целовати». Грозный обратился к боярам: «Аз не могу, а мне не до того; а вы на чем мне и сыну моему Дмитрию крест целовали, и вы по тому делайте». Бояре начали уговаривать Старицкого, «а говорил наперед князь Володимер Воротынский да дьяк Иван Михайлов». Речь Воротынского при этом изложена, в ней Воротынский делает два важных заявления: «тебе служить не хочю», «драться с тобою готов», если государи прикажут. Затем «инии бояре» угрожали Старицкому: если «не учнет князь целовати, ему оттудова не выйти». Итак, Владимир Андреевич «целовал крест поневоле»; понятно, что эта деталь никогда не появилась в письмах Грозного, хотя он дважды возвращался в них к вопросу о возможности воцарения Старицкого.

После принуждения Владимира Андреевича, который все еще оставался в царском дворце, «посылал государь ко княгине з грамотою с целовальною, чтоб велела к той грамоте печать княжюю привесить, боярина своего Дмитрия Федоровича Палецкого да дьяка своего Ивана Михайлова». Им пришлось трижды посетить Ефросинию, прежде чем она велела привесить княжескую печать, говоря: «что то де за целование, коли невольное», и «много речей и брани говорила».

Едва ли было бы преувеличением сказать, что дьяк Висковатый является своего рода героем приписки, семь раз появляясь в самых важных местах текста и неизменно выполняя все, на него возложенное, служа Ивану IV и его наследнику верой и правдой.⁸⁵ Создается также впечатление, что никто лучше Висковатого не мог знать всех тех подробностей «мятежа», которые выше изложены. Грозный был — в согласии с его письмами — тяжело болен: к утру 11 марта «мало и людей знаеше», утром 12 марта «государь изнемогаши вельми», при себе «приводити к целованию истомно», — тем не менее он делает огромное усилие и произносит «жестокое слово», испугавшее оппозиционеров; зато к вечеру 12 марта царь совершенно измучен, уговаривать князя Владимира ему не по силам: «Аз не могу, а мне не до того»; вероятно, этим крайне болезненным состоянием и было обусловлено смелое упорство Владимира Старицкого в отказе «на записи крест целовати». Можно думать, что правдивость приписки о таком состоянии Грозного отвечала действительности; Синодальный список тоже подчеркивает серьезность болезни Ивана Васильевича: «... посети немощь православного нашего царя, прииде огонь велий, сиречь огневая болезнь».⁸⁶

⁸⁴ А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках, стр. 59, 74.

⁸⁵ Кстати, Д. Н. Альшиц сам назвал Висковатого «героем отпора, данного бунтовщикам», однако отвел его кандидатуру как автора приписки (Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени, стр. 286—287).

⁸⁶ ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 231. Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» также подтверждает факт опасной болезни царя: «...разболелся zelo тязким огненным недугом так, иже никтоже уже ему жити надеялся» (Н. Устрялов о сказании князя Курбского, стр. 34). Однако Курбский, может быть с умыслом, относит болезнь к несколько более раннему времени. Интересно, что, как отмечает Устрялов (там же, стр. 302), Екатерина II, имевшая так называемый Эрмитажный список «Исто